

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи

Новгородская Уваровская летопись (далее сокращенно: НУвЛ) — довольно большой свод. Объем его в списках составляет 370—450 лл. в лист. Эта летопись не опубликована и до последнего времени не исследовалась. Как показало сравнительное изучение памятников новгородского летописания XVII в., НУвЛ легла в основу трех последующих сводов этого столетия, среди которых крупнейшие летописи Новгорода — Новгородская третья и Новгородская Забелинская. Вместе с тем НУвЛ тесно связана с предшествующим ей московским и новгородским летописанием, в частности с летописью Дубровского, происхождение которой во многом проясняется благодаря анализу НУвЛ. Эти обстоятельства и побуждают рассмотреть состав ее в специальной статье с достаточной подробностью.¹

Прежде всего несколько замечаний о списках. Их мне известно в настоящее время три: ГИМ, собр. Уварова, № 568,² ГПБ, собр. Погодина, № 1408 и БАН, 34. 4. 1.³ Первый датируется палеографически последней четвертью, второй — 80-ми годами XVII в., третий относится к середине XVII в. Кроме самого текста летописи, во всех трех сборниках помещены «Казанская история», начало Нового летописца, Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами и «Сын церкви». Эти рукописи содержат и ряд других памятников, преимущественно исторических по содержанию и новгородских по происхождению (послание Василия Калики в Тверь, начальная часть Летописца новгородского Софийского собора, Повесть о Новгородском белом клобуке, Повести об осаде Новгорода шведами и др.), каждый из которых находится только в одной из трех рукописей. Летописный текст читается в первой на лл. 68—433 об. (всего 595 лл.), во второй — на лл. 34—488 об. (всего 698 лл.) и в третьей — на лл. 53—489 об. (всего 767 лл.).

Уже сам состав сборников, во многом тождественный, заставляет предполагать или восхождение их к общему протографу или непосредственную зависимость одной рукописи от другой. Сличение летописного текста трех рукописей подтвердило правильность первого предположения. Текстуальные расхождения списков в общем невелики. Приводим главные из этих

¹ Кратко состав НУвЛ рассмотрен мною в книге «Новгородские летописи XVII века» (Новгород, 1960), набранной до того, как мне стал известен третий список этого памятника.

² Краткое описание этого списка опубликовано А. Н. Насоновым (Летописные памятники хранилищ Москвы. — Проблемы источниковедения, IV. М., 1955, стр. 264).

³ Рукопись БАН (находящаяся среди еще не описанных рукописей этой библиотеки) любезно указана мне М. В. Кукушкиной.

расхождений в хронологическом порядке (списки обозначаются сокращенно — *У*, *П* и *А*): 965 г. — в *У* опущено известие о походе Святослава на хозар, как и последующая цифра 966 г.; 973 г. — в *П* и в *А* отсутствует известие о вокняжении Ярополка в Киеве; 993 г. — целиком опущен в *У*; 1060 г. — в *П* опущено известие о смерти епископа Луки; 1103 г. — в *П* нет известия о вокняжении Святополка; 1358 г. — целиком опущен в *У*; 1360 г. — два последовательно идущих известия о небесных «знамениях» в *У* и в *А* объединены, причем конец первого и начало второго известия пропущены; 1489—1490 гг. — в *У* при переписке спутаны две соседние страницы: л. 393 об. следует читать после л. 394. В списках *П* и *А* имеются довольно многочисленные поправки и добавления между строк и на полях, современные рукописи и исправляющие их мелкие пропуски и опiski. Некоторые из этих искажений, выправленных в *П* и *А*, имеются и в *У*. В целом разночтения списков таковы, что могут не приниматься во внимание при выяснении состава и происхождения летописи. Сопоставление явных механических пропусков текстов, читающихся в *С1Л*, к которой, как увидим ниже, восходит основная часть НУвЛ, показывает, что все три списка независимы один от другого и восходят к общему протографу, который не имел существенных отличий от этих рукописей.

Следует оговориться, что рукопись БАН, 34 4. 1⁴ лишь условно может быть отнесена к спискам НУвЛ, так как к ее основному тексту почерком последней четверти XVII в. сделаны многочисленные добавления (на полях и после окончания текста), которые отсутствуют в двух остальных списках и, собственно, уже не относятся к самой этой летописи, а представляют в совокупности с ее текстом как бы черновик другого летописного свода. С этой точки зрения рукопись будет рассматриваться в специальной статье. Здесь мы имеем в виду только ту часть этой рукописи, которая представляет собой текст НУвЛ, к рассмотрению состава которой мы и переходим (при цитировании используется список *У*, номера листов во всех случаях даны по новейшей пагинации).

*

НУвЛ начинается с перечисления народов, произошедших от Иафета, и оканчивается 1646 г. Она может быть разделена на две значительно различающиеся между собой части. До 1500 г. включительно большая часть памятника совпадает с соответствующими текстами других летописей. После 1500 г. таких совпадений почти нет, кроме нескольких известий, идентичных с Кратким летописцем новгородских владык, и небольших по объему и по количеству совпадений с летописью Дубровского.

Обратимся сначала к первой части. Наиболее значительны по протяженности совпадения со следующими летописями: *С1Л* младшей редакции (содержит большую ее часть), список Царского *С1Л*, Хронографический список Н5Л. Лаврентьевская летопись, Н4Л. Этот отрезок содержит также значительное количество известий, либо отсутствующих в названных летописях, либо читающихся в них в другой редакции, либо совпадающих с соответствующими текстами этих летописей лишь частично и содержащих детали, отсутствующие в этих последних. Почти все такие известия касаются Новгорода и новгородской земли. Как правило, они или не связаны текстуально с окружающими частями, совпадающими с перечисленными выше летописями, или вносят дополнения и уточнения, касаю-

⁴ В XVIII в. было начато издание летописного текста этой рукописи, оставшееся незавершенным (см.: Российская летопись по списку софейскому Великого Новгорода в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук по ее повелению, ч. I. СПб., 1795).

щиеся Новгорода. Эти известия в одних случаях вклиниваются в летописный текст соответствующего года, рассекая его иногда на несколько частей, в других случаях помещены до или после текстов, совпадающих с другими летописями. При этом цифра года иногда читается дважды — один раз в начале текста, совпадающего с какой-либо летописью, второй раз — в начале известий, в этой летописи отсутствующих. Случается, что такие известия помещены не в том месте, где им надлежит быть в соответствии с хронологической последовательностью. Имеются случаи, когда своим содержанием они дублируют тексты, дословно совпадающие с другими летописями. Так, например, под 1022 г. известия о захвате Брячиславом Новгорода и о победе над ним Ярославом кратко повторяют содержание аналогичных известий под 1021 г., совпадающих с С1Л.

Все это показывает, что составитель НУвЛ соединил здесь по меньшей мере два источника. Один из них, послуживший как бы ядром этой части памятника, представляет собой комплекс, состоящий из текстов, совпадающих с другими сохранившимися летописями. Этот комплекс имеет довольно строго выдержанную хронологию и представляет почти непрерывную цепь событий до 1500 г. включительно (далее условно именуем этот текст ядром НУвЛ). Второй источник, по происхождению несомненно новгородский, использовался для дополнений к тексту ядра.

Это может быть подтверждено рядом текстологических примеров. Приведем некоторые из них. После известий 1049 (6557) г., совпадающих, как и предыдущие, с С1Л, стоит: «В лето 6558. Выписано из ыной книги». Но далее идут известия этого года опять по С1Л, причем перед текстом их второй раз стоит «В лето 6558».⁵ Очевидно, составитель после 6557 г. хотел сначала поместить выборку из другой летописи, но затем отказался от этого намерения и продолжал выписывать из своего основного, совпадающего с С1Л источника. Хотя намерение воспользоваться вторым источником осталось в данном случае неосуществленным, само наличие его в распоряжении составителя несомненно.

О том, как производилось включение дополнительных известий, позволяют судить, например, тексты НУвЛ за 1416—1417 гг. Приводим окончание 1416 г. и начало 1417 г. по С1Л и НУвЛ.

С1Л

Тое же весны, месяца марта в 22, в неделю средокрестную, Фотей митрополит Киевский и всея Руси постави Сампсона архиепископом Новгороду, в церкви святого архангела Михаила, и наречен бысть от митрополита Симеоном. А на поставлении были с митрополитом 5 владык: Григорей Ростовский, Митрофан Суздальский, Антоней Тферский, Тимофей Сарьский, Исакий Пермьский, при великом князи Василии Дмитриевичи и при братии его князи Юрьи и князе Костянтине.

НУвЛ

Тое же весны, месяца марта в 22 день, в неделю средокрестную, Фотей митрополит Киевский всея Русии постави Великому Новгороду Сампсона архиепископом в церкви святого архистратига Михаила, и наречен бысть на поставлении от митрополита Симеоном. А на поставлении было со владыкою десять [!] владык: Григорей Ростовский, Митрофан Суздальский, Антоней Тверский, Тимофей Сарьский, Исакей Перемский, при великом князе Василии Дмитриевиче и при братии его князе Юрьи, князе Костянтине. Преставися архиепископ Иоанн в Деревяницком монастыре, и положиша в притворе.

⁵ ГИМ, Увар. 568, л. 148 об

Того же лета повоеваша Татарове около Киева и монастырь Печерский пограбиша и пожгоша.

В лето 6925. Преставися князя великого сын, Василия Дмитриевича, князь Иван на Москве и положен бысть в церкви святого архангела Михаила.⁶

Пример небрежного соединения двух источников находим под 1471 г. Здесь после оборванного на полуфразе начала известия Хронографического списка Н5Л о присоединении Новгорода к Московскому государству («Того же лета, июня в 20 день, князь великий со братиею и со всею силою...»)⁸ идут известия о перенесении мощей Савватия Соловецкого и легенды о «знамениях» в Новгороде, предшествовавших падению его независимости, чего нет в Хронографическом списке. Затем вновь помещено начатое ранее известие Хронографического списка, но уже в полном виде. Таким образом, начало этого известия читается дважды, будучи разделено вставкой из новгородского источника.

*

Попытаемся определить состав первой части НУвЛ, а именно — состав того текста, который нами условно назван ядром НУвЛ. Внешняя картина может быть обрисована в следующем виде. Большая часть ядра НУвЛ составляет текст С1Л младшей редакции. Он начинается здесь с перечисления земель, населенных потомками Иафета и оканчивается повестью о присоединении Новгорода к Московскому государству, которая завершает основной список этой редакции С1Л — Бальзеровский.⁹ Под 1237—1239 гг. читается текст Лаврентьевской летописи, причем соответствующие места самой С1Л отсутствуют. С 1242 г. начинаются включения из Н4Л, которые достигают местами нескольких лет подряд. При этом соответствующие тексты С1Л также отсутствуют. С последнего известия 1264 г. по 1311 г. сплошь идет текст Н4Л. Известий за последующие двенадцать лет в ядре НУвЛ нет. Далее опять идет текст С1Л начиная с ее последнего известия 1324 г. вплоть до ее окончания. С 1373 г. известия этой летописи дополнены текстом, совпадающим со списком Царского С1Л, точнее — с теми его известиями, которые отсутствуют или читаются иначе в остальных списках. При внимательном рассмотрении оказывается, что такие дополнения в незначительном количестве есть и в начале ядра НУвЛ. Несколько его известий за XI—XII вв. отсутствуют в основных списках С1Л, но содержатся в списке Царского (например, под 1099 г. —

⁶ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 260.

⁷ ГИМ, Увар. 568, лл. 329—330.

⁸ ГИМ, Увар. 568, л. 377.

⁹ В Бальзеровском списке имеется еще дополнительная тетрадь, где текст продолжается далее, но она писана другим почерком и содержит Псковскую летопись (см.: ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 171).

известие об освящении церкви в Печерском монастыре, под 1022 г. — о рождении Изяслава Ярославича, под 1103 г. — оба известия этого года, зачеркнутые в самом списке Царского, но несомненно наличествовавшие в его оригинале). Что касается окончания ядра НУВЛ, то там начиная с 1428 г. такие дополнения содержатся в известиях почти каждого года. При этом некоторые тексты самой С1Л опущены и заменены более подробными известиями об этих же событиях по списку Царского. С 1447 г. эти дополнения к тексту С1Л совпадают и с окончанием Хронографического списка Н5Л, а иногда содержат тексты, имеющиеся только в Хронографическом списке и отсутствующие в списке Царского (оба эти списка вообще сходны в своем окончании). Дополнения к тексту С1Л в ядре НУВЛ всегда совпадают с общими текстами этих списков и содержат их целиком. Но имеются также известия, отсутствующие в одном из этих списков или изложенные в одном из них несколько иначе, но совпадающие с текстом другого списка. После окончания С1Л ядро НУВЛ содержит только тексты списков Царского и Хронографического, до 1491 г. включительно. Далее следует 1498 г., дословно совпадающий на всем своем протяжении с соответствующим годом в Отрывке из летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку.¹⁰ Затем идут известия 1499 г., сходные с текстом Воскресенской летописи, С2Л и списка Царского, но читающиеся в них в несколько иной редакции. Последний год ядра НУВЛ (1500 г.) совпадает дословно с соответствующим текстом этих летописей. Известия 1500 г. обрываются в НУВЛ на середине фразы («... да пан Литарва морш[а]лко...»),¹¹ после чего следуют родословие московских великих князей начиная от Рюрика и кончая Димитрием, внуком Ивана III, родословия некоторых княжеских и боярских родов, три документа местнической переписки и родословие Сабуровых. Далее следует летописный текст, составляющий вторую часть НУВЛ и не связанный с ее ядром.

Основной массив текста охарактеризованного выше ядра НУВЛ совпадает с С1Л или с Н4Л. Как установлено А. А. Шахматовым, обе эти летописи восходят к общему источнику — Новгородско-Софийскому летописному своду 30-х годов XV в.¹² Естественно было бы предположить, что составитель ядра НУВЛ использовал не С1Л и Н4Л, а сам свод 30-х годов.

Однако такое предположение отпадает. С1Л известна в двух редакциях: старшей, представленной списками Оболенского и Карамзина, и младшей, к которой относятся остальные списки. Согласно выводам А. А. Шахматова, старшая редакция является первоначальной и восходит непосредственно к своду 30-х годов, младшая же редакция есть результат некоторого сокращения старшей, сопровождавшегося небольшими переработками и дополнением ее известиями после 1421 г., на котором оканчивается старшая редакция.¹³ По

¹⁰ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 276—303. Далее сокращенно: Отрывок.

¹¹ ГИМ, Увар. 568, л. 404.

¹² В большинстве работ А. А. Шахматова этот свод именуется «сводом 1448 г.». См.: А. А. Шахматов. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1900, №№ 9 и 11, 1901, № 11; 2) Предисловие к Начальному киевскому своду и Нестерова летопись. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 1; 3) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, гл. IX; 4) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, гл. X и на стр. 366, и другие работы; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 447—450.

¹³ См. две первые из перечисленных работ А. А. Шахматова и в особенности в «Обзорении...» главы XVII, XVIII, а также на стр. 366—367.

мнению М. Д. Приселкова, обе редакции восходят к общему протографу.¹⁴ Однако, так или иначе, старшая редакция не только является более древней, но и более полно по сравнению с младшей редакцией передает текст свода 30-х годов. Это обстоятельство не вызывало сомнений ни у А. А. Шахматова, ни у М. Д. Приселкова, ни у последующих исследователей.¹⁵ В списках старшей редакции имеется большое количество известий, отсутствующих в младшей редакции, но содержащихся в Н4Л. Следовательно, они были и в своде 30-х годов. Все эти известия отсутствуют в ядре НУвЛ — в нем, как уже говорилось, читается текст младшей редакции С1Л (в том числе и в тех случаях, когда между этой последней и старшей редакцией имеются текстуальные различия). Следовательно, эти части ядра НУвЛ не могли быть взяты непосредственно из свода 30-х годов, а восходят именно к младшей редакции С1Л.

Использование Н4Л, так же как и в Лаврентьевской летописи, объясняется, очевидно, сильной дефектностью той рукописи, по которой был использован текст С1Л, составивший основную часть ядра НУвЛ. Доказательства этой дефектности имеются в огромном количестве. Приведем главные из них. Само начало С1Л в НУвЛ отсутствует, последняя начинается, как указывалось, с перечисления земель, доставшихся Иафету. Далее, многие годы пропущены полностью или частично (так, например, отсутствуют полностью 1033, 1202—1215, 1218, 1225—1236, 1244—1246, 1249—1253, 1263—1323, 1325 и 1405 гг., частично отсутствуют 1024, 1077, 1216, 1224, 1237—1239, 1240, 1241—1243, 1324, 1386, 1418 и 1451 гг.). В последнем случае текст почти всегда обрывается или начинается с середины фразы. Часть 898 г. ошибочно попала в текст 1216 г. Часть известий 1372 г. читается еще и под 1284 г., в таком же тексте (кроме того, в чрезвычайно большом количестве встречаются мелкие пропуски отдельных слов, фраз и частей фраз, а также их искажения, возникшие, по-видимому, вследствие того, что края листов были повреждены).

Наиболее существенные из этих пробелов и были, очевидно, восполнены из других летописей.

Из Лаврентьевской летописи заполнены пропуски в тексте 1237—1239 гг., о татарском нашествии.

Общая картина работы по внесению пополнений из Лаврентьевской летописи может быть предположительно восстановлена. В ядре НУвЛ нет текста С1Л за 1225—1236 гг., как и начальных ее известий 1237 г. (в самой НУвЛ за этот период читаются только известия, почерпнутые из новгородских источников, которыми дополнялось ее ядро). Текст 1237 г. начинается в НУвЛ так: «В лето 6745. Бысть нашествие безбожного царя Батыя на Рускую землю, при великом князе Юрье Всеволодиче Владимерском». Далее идет текст С1Л за этот год, от слов «Приидоша от восточных страны на Резанскую землю лесом безбожнии татарове...».¹⁶ Он продолжается в НУвЛ (с незначительными фразеологическими отклонениями и пропусками) до слов «Татаровя ж приступиша ко граду в неделю мясопустную февраля в 7 день...».¹⁷ Продолжение рассказа о взятии Владимира татарами дано уже по Лаврентьевской летописи, со слов «И бысть плач во граде велик за умножение грех ради наших, се бо на ны попустил бог поганья, не аки милая их, но нас кажа, да быхом отсту-

¹⁴ См.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 153.

¹⁵ См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 452.

¹⁶ ГИМ, Увар. 568, л. 209.

¹⁷ Там же, л. 211 об.

пили от злых дел».¹⁸ Текст Лаврентьевской идет в НУвЛ до конца 1237 г.¹⁹ Из нее же взят весь 1238 г. и большая часть (начальная) 1239 г., включая перечисление князей, спасшихся от татар, до слов «... вси сохранени быша божию благодатию. Но на предняя возвратимся».²⁰ Затем, в качестве продолжения этого текста, идет окончание 1238 г. по С1Л, со слов «... [т]огда окоянии измаильтяне идоша к Торшку, и пришед, и обступиша град».²¹ Это окончание, кроме мелких пропусков, имеет один значительный («... на средохрестие. Ту же убьени быша Ивашко, посадник новоторжъской, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михаило Моисеевич»)²² По окончании текста 1238 г. по С1Л (читающегося здесь в качестве продолжения известий 1239 г. по Лаврентьевской летописи) в НУвЛ следует центральная часть известий С1Л за 1239 г. (начала с цифрой года нет), от слов «... Нача Батый послыати на грады руския» до слов «И град взяша, и запалиша огнем, а епископа оставиша жива и ведоша его в Глухов».²³ Далее в С1Л идет следующая фраза: «А оттоле приидоша к Киеву с миром и смирившася с Мьстиславом и Володимером, и с Данилом».²⁴ Очевидно, дефектный текст С1Л обрывался на словах «А оттоле», в результате чего составитель ядра НУвЛ, приняв эти слова за продолжение предыдущей фразы, закончил ее так: «... и ведоша его в Глухов, и оттоле пустиша его».²⁵ Затем в НУвЛ следует 1240 г. по С1Л. Таким образом, в этой части текста С1Л недоставало 1225—1236 гг., начала и окончания 1237 г., начала 1238 г., начала и окончания 1239 г. (отсутствовала большая часть текстов этих лет); были и мелкие пропуски; сохранившиеся тексты почти везде начинались с середины фразы и обрывались на середине фразы. Вследствие того что отсутствовали начальные части текстов С1Л, за 1238 и за 1239 гг., эти тексты идут в НУвЛ сплошь в качестве продолжения 1239 г., начало которого (так же как весь 1238 г. и окончание 1237 г.) взято из Лаврентьевской летописи. Вставка эта явилась, очевидно, следствием стремления составителя дать возможно более полные сведения о татарском нашествии при отсутствии основных частей этого рассказа в дефектном тексте С1Л.

Далее, начиная с 1242 г., для пополнения недостающих текстов использовалась Н4Л. Вполне понятно, почему Лаврентьевская летопись не привлекалась в дальнейшем — с 1240 г. ее известия очень кратки, тогда как Н4Л дает тексты весьма подробные, наиболее полно освещающие историю Новгорода и сходные с самой С1Л, чего никак нельзя сказать об окончании Лаврентьевской летописи. Можно предположить, что из двух летописей, которыми пополнялся дефектный текст С1Л, список Лаврентьевской был более древним, поэтому для восполнения текста 1237—1239 гг. этому списку было оказано предпочтение перед Н4Л, так как текст ее в известиях о нашествии татар и Калкской битве, в общем, ненамного отличается

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, л. 215.

²⁰ Там же, л. 216 об.

²¹ Там же.

²² См.: ПСРЛ, т. V, в. 1, стр. 217. — Есть в тексте НИвЛ за 1238 г. и одно добавление, весьма характерное. После известия С1Л о том, что татары не дошли до Новгорода, «заступи бо его бог и святая богородица и святой архиепископ Кирил Александрийский святых благоверных архиепископов молитвами и благоверных князей, и преподобных черноризцев иерейского собора», читаем небольшую вставку, принадлежащую, по-видимому, новгородскому сводчику: «воспятишася от Игнаша креста погани агаряне» (ГИМ, Увар. 568, л. 217). Не останавливаясь здесь подробно на других фразеологических изменениях и дополнениях в НУвЛ.

²³ ГИМ, Увар. 568, л. 217 об.

²⁴ ПСРЛ, т. V, в. 1, стр. 219.

²⁵ ГИМ, Увар. 568, л. 217 об.

от Лаврентьевской. В дальнейшем же была использована только Н4Л — ввиду ее новгородского происхождения и скудости соответствующих текстов Лаврентьевской. Однако и сам список Н4Л, употребленный для пополнений, не был, очевидно, полным: в нем, по-видимому, недоставало окончания. В пользу этого говорит то обстоятельство, что из известий Н4Л за 1311 г. в НУВЛ помещено только первое, а текст 1312 г. и последующих годов вообще отсутствует. После 1311 г. дополнений из Н4Л нет, несмотря на то что и дальше есть пропуски в тексте С1Л, а годы с 1312 по 1324 (за исключением последнего известия 1324 г.) были в этом тексте утрачены. В результате этого в ядре НУВЛ оказался пропуск протяженностью в одиннадцать лет. Следует сказать, что до 1237 г. пропуски текста С1Л в ядре НУВЛ также не восполнены. Это объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что как по их количеству, так и по объему текста эти пропуски относительно невелики. Они, очевидно, либо остались незамеченными, либо были признаны составителем несущественными.

*

Для выяснения происхождения ядра НУВЛ наибольший интерес представляет его заключительная часть — приблизительно с середины XV в. Как уже говорилось, в основе этого текста (как и предшествующего) лежит младшая редакция С1Л. Она снабжена дополнениями, которые совпадают с соответствующими текстами списков Царского и Хронографического. Эти дополнения содержат известия, отсутствующие или изложенные короче в самой С1Л, и не являются, таким образом, следствием дефектности ее списка, как дополнения из Лаврентьевской летописи и из Н4Л. Все те известия списков Царского и Хронографического, в которых тексты этих списков совпадают между собой, содержатся и в ядре НУВЛ (кроме двух мест, о которых специально скажем ниже). В остальных случаях текст его совпадает или с самой С1Л, или с одним из упомянутых списков. Естественно предположить, что дополнения к С1Л взяты не непосредственно из списков Царского и Хронографического, а из их общего источника. Такое предположение подтверждается результатами их сличения. Тожественные по содержанию известия в этих двух списках в большинстве случаев полностью совпадают и текстуально. Но некоторые из них имеют текстуальные различия. Соответствующие тексты НУВЛ в одних случаях совпадают с Хронографическим списком (например, 1463, 1469, 1480, 1481, 1484, 1489, 1490, 1491 гг.), в других случаях — со списком Царского (например, 1448, 1449, 1473 гг.). Иногда они содержат промежуточный текст, который в одних своих частях ближе к Хронографическому списку, а в других — к списку Царского, примером могут служить известия 1472 г. Приводим часть из них:

Хронографический
список Н5Л

Список
Царского С1Л

НУВЛ

Того же лета царь безбожный Ахмат Кичиахметевич с всею ордою поиде на Русь; подшод близ Руси ста, остави цариць и старых и болных и малых, и поиде с проводники не путма, и прииде к реце к Оце под городок под Олексин с Литовского рубежа. А во граде том бяше воевода,

Того же лета безбожный царь Ахмат Кичиахметевич с всею ордою поиде на Русь, и подошел близ Руси, и остави у цариць старых и болных и малых, и поиде с проводники не путма, и прииде к реце Оце под городок Олексин с Литовского рубежа, июля в 30, в четверток на заговенье.

Того же лета безбожный царь Ахмат Кичиахметевич со всею ордою поиде на Русь, и пошел близ Руси, и оставил у цариць старых и болных и малых и поиде с проводники не путма и прииде к реце Оце под городок Олексин с Литовского рубежа. А во граде том бяше воевода именем

именем Семен Васильевич Беклемишев, человек на рати велими храбр, и повеле ему князь великий осаду распустити, понеже не успеха доспеха ничесоже за пасти, чим битися с Татары; он же хоте у них посула, гражане олексинци даваше ему пять рублей, и захоте у них шестого рубля еще жене своей, и се им глаголющим, оже приидоша татарове, Семен же побеже за реку Оку, с женою и с слугами, и Тотарове за ним в реку.²⁶

Тогда же княгиня великая ехала в Ростов, и разболея в Ростове; князь же великий прииде на Москву. Прииде из Рима царевна Софья, и поиде за великого князя Ивана Васильевича того же дни, на Филипово заговень.²⁹

А во граде том беаше воевода именем Семен Васильевич Беклемишев, человек на рати храбор, и повеле ему князь великий осаду распустити, понеже не успеха доспеха ничесоже за пасти, чим битися с Татары; он же захоте у них посула, и гражане Олексинци даша ему пять рублей, и се им глаголющим, приидоша Татарове, Семен же побеже за реку Оку с женою и слугами и татарове за ним в реку.²⁷

Того же лета великая княгиня ехала в Ростов, и разболея в Ростове; князь же великий прииде на Москву, и князь Юрий с ним, и слыша матерню болезнь, и погони наведати матери с меншею братиею.³⁰

Семен Васильевич Беклемишев, человек на рати велими храбр, и повеле ему князь великий распустити, понеже не успе доспеха ничесоже за пасти, понеже успехов жене чим битися с тотары; он же захоте у них посула, и гражане олексинцы даша ему пять рублей, и захоте у них шестаго рубля жене своей, и се им глаголющим, приидоша тотарове, Семен же побеже за реку Оку с женою и со слугами, и тотарове за ним в реку.²⁸

Тогда же княгиня великая ехала в Ростов, и разболея в Ростове; князь же великий прииде к Москве и князь Юрий с ним, и слыша матерню болезнь, и погони наведати матери с меншею братиею.³¹

Окончание Хронографического списка №5А, как и дополнения к основному тексту С1А, читающиеся в списке Царского, т. е. именно те части этих списков, которые нас сейчас интересуют, по заключению А. А. Шахматова, восходят к общему источнику — летописному своду, доведенному до 1491 г.³² Сличение списка Царского с летописью, читающейся в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1409, привело А. А. Шахматова к выводу, что непосредственным источником дополнений списка Царского был протограф летописи Погод. 1409. Это обстоятельство, однако, не колеблет предположения о восхождении списка Царского к «своду 1491 г.» Произведенное нами сравнение текстов показало, что летопись Погод. 1409 обнаруживает тождество с Хронографическим списком и в тех ее частях, которые не совпадают со списком Царского. Следовательно, есть все основания усматривать общий источник всех этих трех списков, который вероятнее всего видеть в своде, доведенном до 1491 г. и затем продолженном, так как окончание списка Погод. 1409, относящееся уже к 1493 г., дословно совпадает с соответствующим текстом Хронографического списка. Последнее обстоятельство не отменяет правильности заключения А. А. Шахматова о том, что предполагаемый им свод был доведен

²⁶ ПСРЛ, т. IV, стр. 150—151.

²⁷ ПСРЛ, т. VI, стр. 31.

²⁸ ГИМ, Увар. 568, л. 379 об.

²⁹ ПСРЛ, т. IV, стр. 151.

³⁰ ПСРЛ, т. VI, стр. 32.

³¹ ГИМ, Увар. 568, л. 380 об.

³² См. об этом своде и связанных с ним вопросах в работах А. А. Шахматова:

1) Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1900, № 9, стр. 137—140; 2) К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 91—100; 3) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». — Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899, стр. 130—131, 187; 4) Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV века. — ИОРЯС, т. 5, СПб., 1900, стр. 511—513; 5) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — ИОРЯС, т. 8, СПб., 1903, кн. 1, стр. 417—419, т. 9, СПб., 1904, кн. 4, стр. 83—92; 6) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 53.

именно до 1491 г. В Хронографическом списке известия 1491 г. сначала идут последовательно (сентябрьские, октябрьские, ноябрьские, январские, мартовские, майские, июльские и августовские), после чего помещены известия без обозначения месяца (окончание Фроловской стрельницы и прибытие воевод Петра и Ивана Репня-Оболенских); далее следует июльское известие о пожаре в Угличе (что нарушает хронологическую последовательность известий) и другие тексты, повторяющие содержание некоторых известий, читающихся под этим годом ранее. Это позволило А. А. Шахматову заключить, что протограф Хронографического списка в своей первоначальной редакции кончался перед известием о пожаре в Угличе, а само это известие, как и последующий текст — результат позднейших добавлений. Гипотезу подкрепляют и наблюдения А. А. Шахматова над летописью Дубровского («свод 1539 г.»), где текст 1491 г., тождественный Хронографическому списку, обрывается перед известием о пожаре в Угличе, т. е. как раз там, где должен был кончатся предполагаемый «свод 1491 г.», после чего идут известия следующих годов, взятые из другого источника. Дополнительное подтверждение существованию свода, доведенного до 1491 г., дает НУвЛ, которая в этой своей части полностью совпадает с летописью Дубровского. Дословное совпадение с Хронографическим списком прекращается в НУвЛ именно перед известием этого списка о пожаре в Угличе, хотя сама НУвЛ непосредственно не зависит от летописи Дубровского. Вопрос о времени возникновения свода, текст которого, по данным Хронографического списка, летописи Дубровского и НУвЛ, идет до 1491 г. включительно, требует специального выяснения, что не входит в задачу настоящей работы.³³ Однако несомненно, что именно «свод 1491 г.» послужил источником тех дополнений к тексту С1Л, которые читаются в ядре НУвЛ, — это доказывается совокупными показаниями списков Дубровского и Хронографического.

*

Обратимся к последним известиям ядра НУвЛ — тем, которые идут после 1491 г. Это 1498, 1499 и 1500 г. Текст каждого из них довольно обширен. 1498 г. полностью совпадает с известиями этого года в Отрывке летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку. Последующие годы (с 1499 по 1514 г.) в последнем отсутствуют. 1499 г. в НУвЛ схо-

³³ Наблюдения Я. С. Лурье, касающиеся политических тенденций в летописании конца XV в. (Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 156—186), привели автора к выводу, что в Хронографическом списке отразился текст официального великокняжеского свода 1500 г., а в списке Царского, в части 1479—1492 гг., отразился великокняжеский свод начала 90-х годов XV в. Однако это обстоятельство, по нашему мнению, не дает еще оснований для того, чтобы отрицать общий источник этого списка с Хронографическим, так как в предшествующих частях (1448—1478 гг.) полное тождество обоих списков по объему весьма значительно, а в части 1479—1492 гг. в списке Царского есть отступления от текста предполагаемого свода начала 90-х годов (представленного, по заключению Я. С. Лурье, летописью, изданной в т. XXV ПСРЛ), сближающие список Царского и в этой его части с Хронографическим (см., например, важное упоминание крестного целования под 1481 г., отсутствующее в списке Царского, как и в Хронографическом, но наличествующее в Московском своде конца XV в.; ср.: ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 328; т. IV, стр. 154; т. V, СПб., 1853, стр. 35). Летописание XV в., затронутое в настоящей работе лишь постольку, поскольку это оказалось необходимо для выяснения происхождения новгородских летописей XVII в., требует дальнейшего изучения с полным учетом как всех исследований А. А. Шахматова, так и новейших работ (см.: А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — Проблемы источниковедения, VI. М., 1958, стр. 235—274; С. А. Левина. К изучению Воскресенской летописи. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 689—705, и др.).

ден с известиями этого года Воскресенской, Львовской, С2Л и списка Царского, но содержит и существенные отличия. Текст же последнего. 1500 г. дословно совпадает на всем своем протяжении с соответствующими известиями этих летописей, вплоть до того места, где он обрывается на середине фразы в ядре НУвЛ.

Мы оставим пока эти летописи в стороне и обратимся к Воскресенскому Новоиерусалимскому списку. Содержащийся в нем Отрывок охватывает период с 1445 по 1538 г. Этот летописный текст в своей начальной части, до 1491 г. включительно, совпадает с соответствующими известиями С1Л, списков Царского и Хронографического (главным образом последнего). Сличение данной части Отрывка с НУвЛ показывает, что весь этот текст полностью читается в ее ядре. Однако Отрывок опускает многие известия и целые годы, содержащиеся в НУвЛ (как и в соответствующих текстах С1Л, списков Царского и Хронографического). После 1491 г. в Отрывке (как и в ядре НУвЛ) сразу идет 1498 г., текст которого, как уже говорилось, полностью совпадает с этим годом в НУвЛ. Последующие годы в Отрывке отсутствуют, а окончание его (которое начинается с 1514 г.) уже не имеет соответствия в НУвЛ, так как ядро ее, как указывалось, обрывается на известиях 1500 г. Эти наблюдения заставляют предположить, что Отрывок представляет собой извлечение из той самой летописи, которая читается в ядре НУвЛ и окончание которой в этом последнем оказывается утраченным. А. А. Шахматовым было установлено, что Отрывок восходит к летописи, составленной, как он первоначально предполагал, в 1538—1539 гг.,³⁴ которую он впоследствии обнаружил в списке Дубровского. Текст ее, по первоначальному предположению А. А. Шахматова, представлял собой С1Л, дополненную по «своду 1491 г.». Последующие известия были взяты из другого источника. Как видим, состав летописи Дубровского в том виде, в каком он первоначально представлялся А. А. Шахматову, оказывается именно таким, каким является состав ядра НУвЛ (мы пока сознательно отвлекаемся от включений из Лаврентьевской летописи и Н4Л). Как выяснил А. А. Шахматов, к летописи Дубровского восходит также в своем окончании Архивский список (Архива Министерства иностранных дел № 20-25), содержащий так называемую Ростовскую летопись, где текст летописи Дубровского читается начиная с 1480 г.³⁵ Начиная с этого года с Архивским списком совпадает и Отрывок. В Архивском списке и в списке Дубровского содержатся и годы с 1492 по 1513, опущенные в Отрывке. Сличение окончания этих двух списков с НУвЛ показало, что оно тождественно соответствующей части ее ядра.³⁶ При этом полностью совпадают и те годы, которых нет в Отрывке.

НУвЛ позволяет восстановить пропуск, имеющийся в летописи Дубровского в тексте известий 1493 г. Приводим параллельные тексты:

НУвЛ

Того ж лета, месяца марта в 21 день, в четверг, князь великий Иван Васильевич всеа Руси пожаловал сына своего князя Василья, вины ему отдал и нарек его государем великим князем, и дал ему Великий Новгород и Псков в великое

Летопись Дубровского

И того же лета, месяца марта 21, в четверток, князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал сына своего князя Василья: вины ему отдал, а нарек его государем великим князем, дал ему Великий Новгород и Псково в великое княжение,

³⁴ См.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 91—99.

³⁵ Там же, стр. 92.

³⁶ В НУвЛ отсутствует лишь текст послания Виссиана Ростовского на Угру, которое может быть поздней вставкой; есть также мелкие сокращения и дополнения в летописи Дубровского.

княжение, да и свою княгиню Софию пожаловал, нелюбовь отдал и начал с нею жити по первому. Того же лета прииде весть к великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии, что зять его князь великий Александр Литовский учал нудити дщерь его Елену, свою великую княгиню от греческого закона к римскому закону, через крестное целование и свою утвержденную грамоту.³⁷

да и свою великую княгиню от греческого закона к римскому закону, через крестное целование и свою утвержденную грамоту.³⁸

В общем оригинале списков Дубровского и Архивского пропуск текста начинался не перед словами «да и свою великую княгиню», как предполагал А. А. Шахматов,³⁹ а после этих слов. По-видимому, переписчик пропустил часть текста в связи с тем, что слова «свою великую княгиню» читались здесь дважды. Написав их в первый раз, он стал списывать текст, идущий уже за повторением этих слов, не заметив, что при этом оказалась пропущенной часть известий оригинала.⁴⁰

Подытожим сказанное выше. Летопись Дубровского, по первоначальному предположению А. А. Шахматова, имела следующий состав: в части до 1491 г. включительно она представляла собой соединение С1Л с добавлениями к ней по «своду 1491 г.»; в части после этого года она восходила к другой летописи. Текст летописи Дубровского передан без сокращений в части с 1480 г. окончанием Архивского списка и в извлечениях — в части с 1445 г. — Отрывком (предшествующие части этих списков имеют иной состав). Состав ядра НУВЛ (исключая части, сходные с Лаврентьевской летописью и с Н4Л, о которых см. ниже) до 1491 г. включая тельно есть соединение С1Л со «сводом 1491 г.», после чего идет другая летопись. Сличение показало, что ядро НУВЛ совпадает с теми частями Архивского списка и Отрывка, в которых читается текст летописи Дубровского. При этом известия, явно пропущенные в оригинале списков Архивского и Дубровского, содержатся в ядре НУВЛ. Все это как будто говорит о том, что ядро НУВЛ как раз и представляет собой летопись Дубровского в том ее виде, какой был определен А. А. Шахматовым первоначально (до обнаружения им списка Дубровского и до детального анализа Архивского списка, произведенного в работе «О так называемой Ростовской летописи»), и что оно содержит более первичный, неискаженный текст именно этой летописи. Отсутствует только ее окончание — после 1500 г.

Выше говорилось, что известия 1500 г. в ядре НУВЛ при сличении с Воскресенской, Львовской и другими летописями, оказываются оборванными на полуфразе. Если рассмотрим содержание этого ядра в последней его части, т. е. после 1491 г., то увидим, что здесь имеются только московские известия (в довольно пространным изложении), сходные с Воскресенской, Львовской и другими летописями. При этом одни известия более

³⁷ ГИМ, Увар. 568, л. 401—401 об.

³⁸ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2. Л., 1925, стр. 531; ср. т. XII. СПб., 1901, стр. 264.

³⁹ См.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, стр. 56, 84 (примечания).

⁴⁰ В Архивском списке и в списке Дубровского годы 1498, 1499 и 1500 помещены ошибочно под 1492, 1493 и 1494 (об ошибке свидетельствуют данные других летописей). А. А. Шахматов выяснил причину этой ошибки. Переписчик оригинала этих списков принял начало 1498 г. — «В лето 7006, декабря...» за «В лето 7000, 6 декабря». Поэтому он поместил известия 1498 г. под 1492 г. и соответственно изменил цифры последующих годов. В НУВЛ (как и в Отрывке) эти даты указаны правильно (очевидно, в результате позднейшей сверки, так как годы 1492—1497 опущены и здесь).

полно передаются этими летописями, другие — ядром НУВЛ. Некоторые его тексты, в том числе весь текст 1500 г., совпадают с этими летописями дословно. В связи с этим следует думать, что в этой своей части ядро НУВЛ восходит к общему источнику с Воскресенской и Львовской и другими летописями, который, несомненно, представлял собой московский памятник, точнее — дефектному списку этого (или какого-то промежуточного) памятника, обрывавшемуся на середине известий 1500 г. Родословные, которые читаются в ядре НУВЛ после 1500 г. (как и включенные в них тексты документов местнической переписки), не имеют никакой связи с летописным текстом и представляют собой, несомненно, случайную механическую вставку, возникшую, очевидно, при соединении в НУВЛ двух летописных источников. Это могло произойти лишь в том случае, если родословные следовали непосредственно за летописным текстом, обрывавшемся на 1500 г. в той самой рукописи, из которой этот летописный текст попал в НУВЛ. Родословие великих князей московских оканчивается Димитрием — внуком Ивана III; Василий Иванович фигурирует только как его сын и еще не назван великим князем всея Руси. Следовательно, родословие было окончено во всяком случае еще при жизни Ивана III, т. е. не позднее 1505 г. Если сопоставим это с тем обстоятельством, что летописный текст ядра НУВЛ обрывается на 1500 г., то придем к заключению, что летописный памятник, в котором читался этот текст и родословные, был составлен, по-видимому, между 1500 и 1505 гг. Некоторое сомнение может возникнуть в связи с тем, что в конце помещено родословие Сабуровых, которое оканчивается Соломонией Юрьевой, названной супругой великого князя Василия Ивановича. Однако это родословие дописано уже впоследствии. Непосредственно за родословием великих князей идут родословия княжеских и боярских родов, после чего, как уже говорилось, читаются не имеющие прямого отношения к родословным тексты документов местнической переписки. Вслед за ними идет родословие Сабуровых. Если бы это последнее было современно остальному тексту, оно, очевидно, было бы помещено ранее этих документов, и, по всей вероятности, даже ранее других боярских родословных, в силу той знатности, которую Сабуровы приобрели в связи с женитьбой Василия III на Соломонии.

Таким образом, летописный свод, список которого составил основу ядра НУВЛ, представлял собою младшую редакцию С1Л, дополненную на основании двух текстов — «свода 1491 г.» и общего источника Воскресенской, Львовской и некоторых других летописей.⁴¹ Памятник этот, очевидно, возник в Москве, так как все источники его московского происхождения. Ниже я буду именовать его Московским сводом 1500—1505 гг.

Поскольку нами была привлечена летопись Дубровского, необходимо теперь выяснить окончательно отношение ее к НУВЛ и к Московскому своду 1500—1505 гг. Известия 1500 г., как и предшествующий текст, совпадают в ней с ядром НУВЛ и оканчиваются на том же слове («... да пан Литавр моршалко»)⁴². Однако такое окончание, как мы видели, является

⁴¹ Летописный текст части, идущей после 1491 г., позволяет уточнить время возникновения этого источника: под 1498 г. сообщается об опале Василия Ивановича, а под 1499 г. — о прощении его вины, но не о полной реабилитации, произошедшей, по данным других источников, в 1500 г., что позволило Я. С. Лурье приурочить появление этих известий к 1500 г. (см.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в., стр. 181). Этот источник представлял собой, по-видимому, тот великокняжеский свод 1500 г., существование которого предполагает Я. С. Лурье (там же, стр. 180—181).

⁴² ПСРА, т. IV, ч. 1, в. 3. Л., 1929, стр. 533.

случайным и есть результат дефектности свода 1500—1505 гг. Это свидетельствует о том, что в части до 1500 г. включительно летопись Дубровского восходит к тому же самому списку свода 1500—1505 гг., который составил основу ядра НУвЛ. Следовательно, не ядро НУвЛ содержит летопись Дубровского с утраченным окончанием, а сама эта летопись имеет в своей основе тот же свод 1500—1505 гг., после чего в этой летописи идет текст, взятый из других источников. Последнее обстоятельство вполне ясно видно из состава летописи Дубровского. Читающееся в ней окончание свода 1500—1505 гг. (т. е. 1500 г. и предшествующие годы) содержит исключительно московские известия. После 1500 г. на протяжении пяти последующих лет идут сплошь новгородские известия, к которым только затем присоединяются известия общерусские. Таким образом, 1500 г. несомненно является границей соединения двух источников в летописи Дубровского. Как указывалось, А. А. Шахматов первоначально считал ее соединением С1Л со «сводом 1491 г.», после чего шел текст, взятый из других источников. Впоследствии он изменил свою точку зрения на основании анализа Архивского списка в части до 1480 г. и данных списка Дубровского. Оказалось, что для периода до 1448 г. основным источником свода была Н4Л.⁴³ Однако с 1448 г. состав летописи Дубровского был все же именно таким, каким первоначально А. А. Шахматову рисовался состав всего этого свода — в этой части читается С1Л в соединении со «сводом 1491 г.». Данные, полученные исследованием НУвЛ, позволяют уточнить последний вывод А. А. Шахматова. В части с 1448 по 1500 г. летопись Дубровского содержит текст Московского свода 1500—1505 гг.⁴⁴ Начальная часть этого свода была заменена текстом Н4Л. Однако это была, по-видимому, уже вторая редакция летописи Дубровского. Первоначально эта летопись, очевидно, не содержала текста Н4Л, а в ней читался на всем своем протяжении Московский свод 1500—1505 гг. Об этом свидетельствуют данные Отрывка. Он начинается с 1445 г. и кончается 1538 г., содержит, как указано А. А. Шахматовым и как это подтверждается сравнением со списками Дубровского и Архивским, текст летописи Дубровского. Однако годы 1445—1447 (как и последующие) в Отрывке содержат текст Московского свода 1500—1505 гг. В списке же Дубровского до 1447 г. включительно идет Н4Л. Таким образом, Отрывок был, очевидно, выписан из летописи Дубровского еще тогда, когда в ней не было текста Н4Л (а читался, по-видимому, целиком свод 1500—1505 гг.). Тогда в этой летописи не было, вероятно, еще и известия 1539 г., которым заканчиваются списки Дубровского и Архивский, но которого нет в Отрывке (он кончается 1538 г.). Вторая редакция летописи Дубровского заменила на протяжении до 1447 г. включительно текст Московского свода 1500—1505 гг. текстом Н4Л и добавила известие 1539 г. (о рождении уroda в Новгороде). К этой редакции и восходят списки Дубровского и Архивский. Обратное предположение — что в своде сразу был текст Н4Л — влечет за собой заключение, что в оригинале Отрывка этот текст был заменен тем же самым Московским сводом 1500—1505 гг., который уже содержался в последующей части — после 1447 г. (и что последний год — 1539 — был опущен). Этот вывод представляется явно искусственным. Таким образом, состав летописи Дубровского, каким он представлялся А. А. Шахматову

⁴³ См.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, стр. 53, 168—171.

⁴⁴ С некоторыми сокращениями и дополнениями (по крайней мере в списках Архивском и Дубровском).

первоначально, есть состав первой редакции этой летописи, к которой восходит Отрывок. Последующая точка зрения А. А. Шахматова соответствует составу второй редакции, когда в летопись был включен текст Н4Л, заменивший соответствующий текст, восходивший к Московскому своду 1500—1505 гг., и, по-видимому, добавлено новгородское известие 1539 г. (для новгородского сводчика такая переработка вполне естественна). Эта редакция и представлена наиболее полно списком Дубровского; к ней же относится Архивский список.⁴⁵

*

Возвратимся к ядру НУВЛ. Как мы видели, основу его составил Московский свод 1500—1505 гг. Попытаемся уточнить обстоятельства включения в его текст пополнений из Лаврентьевской летописи и из Н4Л. Обращают на себя внимание известия НУВЛ под 1451 и 1462 гг. Под 1451 г. читается текст С1Л, причем вторая половина ее известий за этот год в НУВЛ отсутствует, текст обрывается на середине фразы. Известия этого года в Хронографическом списке и списке Царского полностью совпадают, однако в НУВЛ их не оказывается, несмотря на то что в них есть данные, отсутствующие в С1Л. 1462 г. ядра НУВЛ содержит вначале весь текст известий этого года по С1Л, последующая же часть, совпадающая с текстом этого года по Хронографическому списку и списку Царского, содержит только первую половину их известий за этот год и также обрывается на полуфразе. При этом отсутствующая в ядре НУВЛ часть 1462 г. есть и в летописи Дубровского. Эти явления могут быть объяснены только дефектностью. Выше была показана дефектность текста С1Л, следствием которой явились включения из Лаврентьевской летописи и из Н4Л. Теперь видим, что эта дефектность присуща не только тексту С1Л, но и тем частям ядра НУВЛ, которые восходят к «своду 1491 г.». Иначе обстоит дело с текстами, восходящими к Лаврентьевской летописи и Н4Л. Несмотря на то что эти части довольно обширны, никаких признаков дефектности, даже мелких, в них не оказывается,⁴⁶ — они сами привлечены для восполнения утраченных мест. Нет признаков дефектности оригинала и в других частях НУВЛ, не относящихся к ее ядру.

Все это приводит к вполне определенному выводу. Дефектным был не список С1Л, которая составила основную часть Московского свода 1500—1505 гг., а список самого этого свода. В этом списке недоставало начала и окончания, а также многих листов в других местах, причем самый большой пропуск охватывал шестьдесят лет (1263—1323 гг.). Листы, содержавшие некоторые известия 898 и 1372 гг., попали не на свое место. В таком виде этот список оказался в руках составителя ядра НУВЛ. Все важнейшие пробелы были заполнены из Лаврентьевской летописи и Н4Л.⁴⁷ Лист, содержавший часть известий 1372 г. и попавший не на свое место, был ошибочно переписан под 1284 г., но затем вложен на свое место и переписан вторично уже под 1372 г. Лист, содержавший одно из известий 898 г., попавший в текст 1216 г., был там и переписан, так как вставить его содержание в ранее переписанный текст было уже невозможно. Полагаем, что именно таким образом возник тот летописный текст, который мы именуем ядром НУВЛ. Основу этого текста, как мы только что выяс-

⁴⁵ Более подробно эти вопросы рассмотрены мною в статье «Две редакции Новгородской летописи Дубровского» (Новгородский исторический сборник, в. 9. Новгород, 1959, стр. 219—228).

⁴⁶ Лишь окончание списка Н4Л было, вероятно, утрачено (см. выше, стр. 277).

⁴⁷ Кроме 1312—1323 гг., так как список Н4Л, по-видимому, обрывался на 1311 г.

нили, составил сильно дефектный список Московского свода 1500—1505 гг. с помещенными после летописного текста родословными. Следовательно, само ядро НУвЛ возникло уже значительно позже. Был ли это самостоятельный летописный памятник или только определенный этап работы составителя НУвЛ, сказать пока затруднительно.

*

Рассмотрим теперь те части НУвЛ, которые не входят в состав ее ядра. Сюда относится, во-первых, весь летописный текст после 1500 г. и, во-вторых, те известия до 1500 г., которые не могут быть возведены к своду 1500—1505 г. и тем вставкам из Н4Л и Лаврентьевской летописи, которыми восполнены утраченные места его текста.

Дополнения к основному летописному ядру НУвЛ на всем ее протяжении до 1500 г. довольно многочисленны — всего их около 250. Они могут быть разделены на три группы. К первой относятся известия, целиком отсутствующие в предшествующих новгородских летописях. Таких включений сравнительно немного, и они почти целиком состоят из кратких биографических сведений о святых; есть среди них несколько легенд и легендарных по происхождению текстов (о видении императора Мануила — 1052 г., о появлении Тихвинской иконы богородицы — 1383 г.), ряд известий касается строительства церквей в Новгороде. Вторую группу составляют тексты, которые наличествуют и в других новгородских летописях, но в НУвЛ содержат дополнительные детали, в других летописях отсутствующие. В большинстве своем это известия о постройке, освящении, росписи и благоустройстве новгородских церквей; есть данные о новгородских архиепископах, несколько известий о пожарах, эпидемиях и других событиях внутренней жизни Новгорода и Новгородской земли. Последняя группа текстов, самая многочисленная, представляет собой сведения, не вносящие ничего нового по сравнению с соответствующими известиями предшествующих летописей Новгорода; однако в соответствующих частях текстов тех памятников, которые составили ядро НУвЛ (в том числе и Н4Л), этих известий нет. Многие из них текстуально сходны (а иногда и совпадают дословно) с известиями об этих событиях в других новгородских летописях, но иногда наблюдаются расхождения с ними в датах. Текстуальное сходство и совпадения имеются с первой, второй и четвертой новгородскими летописями (в том числе с различными продолжениями Н4Л), летописью Дубровского и Кратким летописцем новгородских владык.

Внимательный просмотр указанных известий убеждает нас в том, что дополнения к ядру НУвЛ взяты не из одного источника. Об этом прежде всего свидетельствуют дублировки. Не касаясь тех из них, которые повторяют аналогичные сведения ядра НУвЛ, отметим только дублировки внутри самих дополнений к этому ядру. Их две: о смерти архиепископа Феофила сообщается в тексте известий 1480 и 1482 гг., о поставлении архиепископа Сергия — под 1483 и 1484 гг. Парные известия имеют между собой текстуальные различия. Это могло произойти только в том случае, если дополнения брались (по крайней мере в конце) из двух источников. Пользование несколькими, по-видимому двумя источниками, видно и во второй части НУвЛ. Здесь дважды сообщено о присоединении Пскова — под 1509 и 1510 гг., причем тексты этих известий различны. Основная внешняя особенность этой части летописи — бросающийся в глаза разноречивостью в хронологии; имеется 10 случаев (7023, 7024, 7034, 7035, 7037, 7066, 7078, 7079, 7088 и 7089 гг.), когда известия одного и того же года помещены в двух местах, будучи разделены известиями других годов. Хро-

нологическая путаница особенно сильна вначале, где имеется, например, такая «последовательность» дат: 7024, 7015, 7034—или: 7040, 7025. Можно полагать, что один из источников оканчивался 1581 г., так как после этой даты хронологическая последовательность не нарушается. Таким образом, есть вполне достаточные основания думать, что составитель НУвЛ использовал три летописных источника: ее ядро, в основе которого лежал Московский свод 1500—1505 гг., и две новгородских летописи, текст и отчасти состав которых были отличными от сохранившихся памятников и характеризовались большой степенью подробности в известиях, касающихся церковной жизни Новгорода. Степень использования этих летописей на разных этапах работы была различной. Вплоть до окончания ядра НУвЛ это последнее служило основой для составления свода и было переписано целиком, без перебивок в хронологию, причем из других летописей были включены лишь данные, отсутствовавшие в ядре НУвЛ. Такой характер его использования следует объяснять, очевидно, полнотой этого памятника, который давал почти непрерывную цепь известий до конца XV в. и где были достаточно подробно отражены все наиболее важные события за этот период на всей территории Руси. События же внутренней жизни Новгорода, в особенности его церковной жизни, были освещены в этой части гораздо менее полно, чем этого хотелось составителю. Поэтому он и пополнял текст ядра НУвЛ почти исключительно новгородскими известиями, оказывая явное предпочтение известиям, связанным с замещением кафедры новгородских владык и с церковным строительством в Новгороде. При этом характерно, что за период с 1274 по 1311 г. текст ядра дополнен всего 9 известиями, тогда как в предшествующей и последующей частях дополнения идут гораздо более густо. Это объясняется тем, что в ядре с 1265 по 1311 г. читается текст Н4Л, которая сама достаточно полно освещает события внутренней жизни Новгорода (в том числе и церковной).

Продолжение летописи после 1500 г. (которым оканчивалось ее ядро) имеет иной характер — хронология уже не выдерживается, составитель выписывает то из одной, то из другой летописи, не отдавая предпочтения какой-либо одной из них. Все известия XVI и XVII вв. по своему характеру одинаковы: новгородские события отражены в них с достаточной полнотой, а события общерусские переданы во всех случаях очень кратко, в несколько раз короче, чем соответствующие известия московских летописей. Это лишний раз подтверждает наше предположение о том, что оба источника, использованные составителем НУвЛ в ее второй части, были новгородскими. О новгородском происхождении имеющихся в этой части общерусских известий свидетельствуют и особенности их содержания. Так, в известии о взятии русскими войсками Смоленска (1515 г.) указывается только, что этот город «преже был за Литвою»,⁴⁸ тогда как в известиях московских летописей об этом же событии Смоленск именуется вотчиной великих князей московских. Под 1578 г. сообщается, что Иван IV совершил поход в Ливонию «со всеми московскими людьми».⁴⁹ Имеются и ошибки, которые были бы немыслимы в московской летописи: в известиях 1509 и 1515 гг. (о присоединении Пскова и взятии Смоленска) фигурирует «великий князь Иван Васильевич», тогда как в действительности эти события произошли при Василии III. В текст 1570 г. включена явно анти-московская по своей идейной направленности Повесть о походе Ивана IV на Новгород.

⁴⁸ ГИМ, Увар. 568, л. 415.

⁴⁹ Там же, л. 430 об.

Как в заключительной части НУвЛ, так и в предшествующем ее тексте были, очевидно, использованы также некоторые источники нелетописного характера.⁵⁰

*

Преимущественный интерес составителя НУвЛ к событиям церковной жизни Новгорода, как мы видели, проявился с большой отчетливостью. Это заставляет полагать, что рассматриваемый свод, как, по-видимому, и все предшествовавшие крупные летописные своды Новгорода, возник при дворе новгородских архиепископов. Составление его могло быть связано с произошедшим в 1588 г. учреждением в Новгороде митрополии, о чем в НУвЛ имеется обстоятельное известие. Напомним, что незадолго до этого года прекращается использование в своде двух источников, которое идет до 1581 г. Известия за последующие годы могут принадлежать уже самому составителю НУвЛ. Впрочем, каких-либо конкретных указаний, которые давали бы материал для достаточно точной датировки, в летописном тексте не находим. До 1608 г. включительно идет почти непрерывная цепь известий. Они могли принадлежать как продолжателю НУвЛ, так и самому ее составителю.

Летописный текст заканчивается краткими известиями 1612, 1645 и 1646 гг. о воцарении Михаила Федоровича, его смерти и воцарении Алексея Михайловича. Вряд ли можно сомневаться в том, что все эти известия добавлены уже после составления свода (вероятно, позднейшими переписчиками), так как период с 1607 по 1612 г., столь богатый событиями для всей Русской земли, и в особенности для Новгорода, в тексте НУвЛ не освещен вовсе, а сами известия 1612, 1645 и 1646 гг. не имеют непосредственного отношения к Новгороду и хронологически разделены ничем не заполненным промежутком в тридцать с лишним лет.

⁵⁰ Подробно об этом говорится в моей статье «Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в.» (ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 251—283).